

Улитка

№ 1(8)
апрель
2013

интернет-журнал поэзии хайкай

www.ulitka.haiku-do.com

МОРЕ зовет...

Классики тоже люди

Science Fiction хайкай

Ирина Ермакова:

“Не каждый день на глазах у нас разваливаются империи.”

Чем пахнет редакционная кухня?

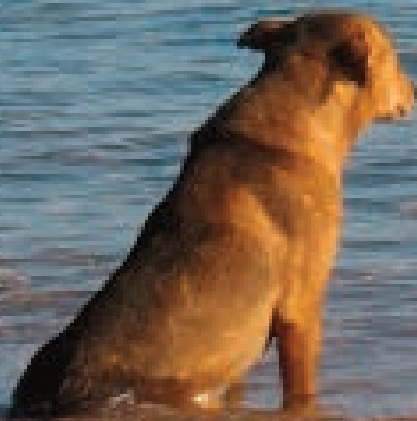
Улитка - это вам не хвост собачий
в репьях, рубцах, щетине беззащитной,
угодливо-вертляво-торопливый,
улитка - зверь, по сути, не горячий
и терпеливый.

И дом на ней. И если дом запущен,
она наводит медленный порядок,
лавируя в траве среди тетрадок,
ботвы, осколков и кофейной гущи,
полна отгадок.

Божественно, по собственной охоте
она пейзаж меняет, воздух, лица,
и если начинает горячиться,
искрить, сметая все на повороте, -
то дом - в полете.

Он был давно запущен, он летит
над грядками, над островом Итака,
над морем, где с причала без обид
восторженно следит за ним собака.

(Ирина Ермакова)

Апрель у нас, в России - месяц изменчивой, взволнованной весенней погоды, месяц перемен и надежд. Если мы когда-нибудь надумаем собирать русские сайдзики, то можно смело позаниматься у японцев летнее киго с красивым названием 卯波 "унами". Правда, придется сделать поправку на сезонность. "Унами" состоит из двух иероглифов: "нами" (волна) и "у" (кролик по китайскому календарю), здесь в прочтении "кроличий месяц", четвертый по лунному календарю, - апрель. Японские волны четвертого месяца станут нашими весенними волнами.

И не случайно этот апрельский номер было решено посвятить такому изменчивому и такому постоянному МОРИЮ...

Вспоминается хайку Ёса Бусона о море, которое *"зыблется тихо весь день..."*. И много-много танка Исикава Такубоку, который, кажется, жил им: *"Перед огромным морем я один..."*. А Манъёсю?! Там целые разделы с морской тематикой - и сэдока, и каэси-ута, и танка. А у Танэда Сантока, помните?!

Весь день я молчал.
Вышел к морю, взглянул - и увидел
волны прилива...

(перевод А.А. Долина)

- от этого хайку сразу теплеет где-то внутри, приливает к сердцу, что-то становится понятным, а что-то, наоборот, вновь подвергается вопросам.

Есть такая замечательная японская поговорка *"midzu ni égaku"*, что означает *"рисовать на поверхности воды"*. По-моему она очень хорошо характеризует море, его всепоглощение и всеотдачу. Порисуем?

Огромных стрекоз,
с медным отливом на прозрачных крылышках.
Они кружатся прямо над водой, касаются глади,
выводят ровные круги.

Или подводных жителей, медуз - от них,
даже самых маленьких,
очень красивая рябь.

Еще это могут быть водоросли,
которые качаются с волнами,
прибрежные травы тянутся вдоль кромки
и кое-где касаются ее,
от чего получаются картины импрессионистов.

А море, как живое существо, - терпит... Хотя, конечно же, не терпит оно, просто ему так полагается быть.

А можно увидеть как на поверхности воды рисует что-то ветер. И кто скажет, что это не правда?! Самая настоящая правда!

Можно и самому порисовать веточкой что-то, я пробовала, классно! Только ты и знаешь, что написал, а море хранит все секреты. Ну, или не хранит - может ему совсем все равно.

Оно одновременно и наполненное - ведь вмещает в себя столько всего, и пустое - отдает всегда больше, чем забирает... А может эта поговорка вообще о тщетности каких-либо усилий, и жить надо легче и веселее.

С самыми наилучшими пожеланиями к вам, дорогие читатели,
ваше весеннее море

...и дежурная по редакции Иса

Тема номера	4
Хайбун	12
Современные хайку	16
Сэнрю	32
Традиционные хайку.....	34
Критика \ Статьи \ Интервью	44
Танка	52
Фристайл	58
Фотоку \ Хайга	61
Рэнга	64

В этом номере:

Константин Авхимович	Андрейс Луныцкас
Боб Айбибеков	Михаил Ляблин
Леха Андреев	Роман Ляховецкий
Анастасия Бабкина	Мария Маретич
Алиса Бусыгина	Филипп Вартан Мелькаседек
Зиновий Вайман	Валентина Назарова
Виктор Ветлин	Свят Подольский
Надежда Воржева	Яна Полтарак
Николай Гранкин	Леонид Попов
Виктор Грипасов	Алексей Пральников
Марина Даренская	Егор Пудак
Михаил Ежов	Наталья Седенкова
Ирина Ермакова	Глеб Секретта
Катерина Ерошина	Валерия Симонова-Чекон
Сергей Золотухин	Нелли Сливинская
Кира Иванова	Алексей Фан
Сергей Карнаухов	Инна Хмель
Ирина Касатонова	Радион Хузин
Ния Керушаускене	Ольга Черных
Алексей Ким	Ольга Чигиринская
Людмила Кондратова	Марина Шаповалова
Светлана Кондратьева	Александр Шитковский
Иван Кротов	Сергей Шпиченко
Сергей Курбатов	Игорь Шуган
Анна Лапина	Philmore Place
Андрей Ларионов	Иса
Наталья Леви	Киоло
Олег Ленцой	"у" (無)

интернет-журнал поэзии хайкай УЛИТКА
www.ulitka.haiku-do.com

апрель 2013 :: выпуск 1(8)

Полная или частичная перепечатка материалов журнала допускается только по согласованию с редакцией.

РЕДАКЦИЯ	ulitkaonline@gmail.com
Гл. редактор	Александр Кудряшов
Редакторы	Элина Витомская
	Анатолий Ильц
	Лариса Семенова
	Елена Шастина

Логотипы	Саша Чекалов
Обложка и фото	Элина Витомская
Дизайн и верстка	Александр Кудряшов

Следующий номер "Улитки" выйдет в октябре 2013 года

Лучшие хайку
конкурса “Море”

Николай Гранкин

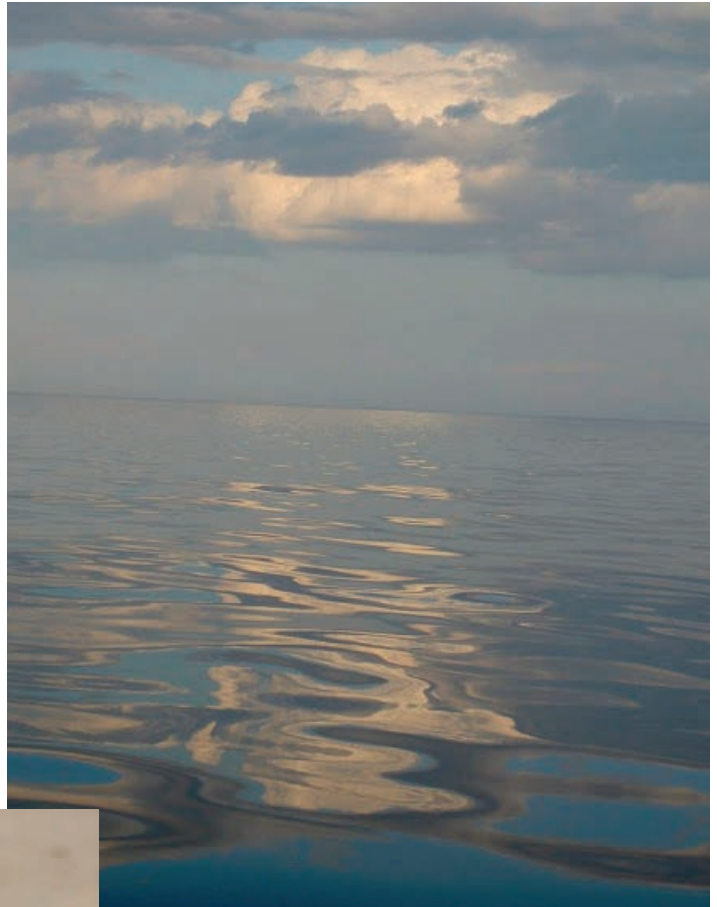
бирюзовое море
чуть отойдёшь
цветущая сирень

Сергей Шпиченко

горячий песок
вяжет в гирлянды бычков
беззубая старуха

Николай Гранкин

летнее утро
море
у моих ног

Марина Шаповалова

В прибрежную волну
С шумом набегают
ребятня

Ирина Касатонова

обрызгана, присыпана песком
всё так же улыбается
девушка на пляжном полотенце

Ирина Касатонова

ветер с моря
в прибрежной траве цокают
сухие раковины улиток

Виктор Ветлин

ясный денек
на камне
тень рыбы

Сергей Золотухин

день отъезда
между пальцев
песчинки

Леха Андреев

закат на море
собака метит
песочные замки

Ольга Черных

холодный закат
на морской берег
выкинуло корягу

Николай Гранкин

зимний шторм
в прибрежном кафе
перевёрнутые стулья

Мария Маретич

больничное окно
полдничают вместе
чайка и пациент

перевод Елены Шастиной

Море зовет...

"у" (無)

утес над морем
за ржавой калиткой
синее небо

Ирина Касатонова

чайка и парусник
расплывается
линия горизонта

Леонид Попов

облака
на рейде
тихоокеанский флот

Александр Шитковский

вечерний бриз -
на ветке тамариска
качается куриный бог

Сергей Золотухин

разошлись
в полосе прибоя
следы на песке

Ирина Касатонова

резкие крики чаек
в прибрежных валунах
осколки раковин

Александр Шитковский

построен замок
возвращается в ложбинку
куриный бог

Марина Шаповалова

опустевший пляж
ветер разносит песчинки
воздушного замка

Глеб Секретта

волны смывают
поправляя на свой вкус
песочный замок

Михаил Ежов

хлопает парус
море не переорать
ветер во рту

Роман Ляховецкий

утренний клев -
с лодки подтягивают
берег поближе

Михаил Ежов

трёп про море
тычут и тычут в раковинку
окурки...

Анастасия Бабкина

Огромные волны
Переносят шлепанцы
Чуть дальше

Алексей Фан

по-свойски
среди медуз
пластиковый пакет

Леонид Попов

алеутские острова
рассказчик прячет за ворот
костяной амулет

Сергей Золотухин

белые лодки
вечер повел
к горизонту

Игорь Шуган

вместе с солнцем
уходят в ночное
рыбачьи шхуны

Роман Ляховецкий

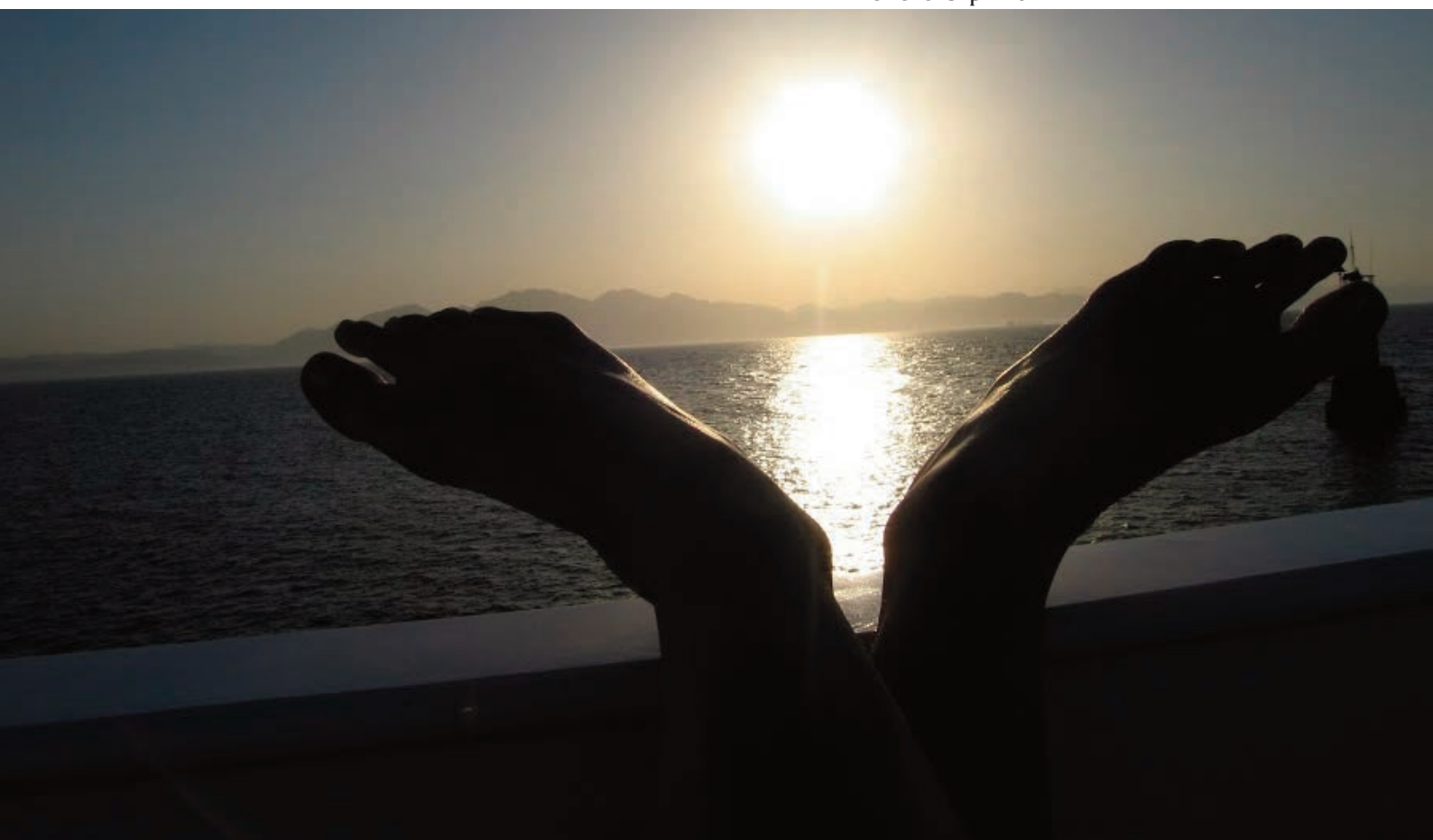
выпускной вечер
огоньки на мачтах
тают во мгле

Игорь Шуган

вечер на море
лунная дорожка
для каждого своя

Глеб Секретта

ночной заплыв
луне, как и нам
нечего скрывать

Наталья Седенкова

лето над рекой
пляжный фотограф снимает
пёстрые юбки

Сергей Золотухин

еще не ветер
полощутся
паруса

Марина Шаповалова

осенний пляж
и море по колено -
все выше поднимаю юбку

Леонид Попов

ранний вечер
фотограф на набережной
меняет ракурс

Леонид Попов

темнеет
на лежаке одинокий
куриный бог

Сергей Карнаухов

опустевший пляж
из глубины рестораника
запах рыбы

Наталья Седенкова

по краям бухты
ходят в дыхание воды
сгустки водорослей

Ольга Черных

зимняя ночь
разложила на ладони
камешки с моря

Ирина Касатонова

Над утренним пляжем и деревянными домиками, в одном из которых у нас комнатка, летают ласточки и чайки. Слой чаек - выше и спокойнее. Ласточки - ниже, стремительнее и радостнее. Слои никогда не смешиваются, у них хороший диспетчер. Чердак домика гудит птичьими голосами, будто кулак с зажатым в нём трутнем - именно там живут ласточки и другие птицы. А на остатках старого причала делают зарядку бакланы.

К полудню море джинсовеет. Водный скутер вспарывает индиго, оставляя за собой модную белую бахрому. Ветер лениво дует на облака, медузы в воде стоят навтыжку... Евпаторийский порт на горизонте такой ясный: можно различить названия некоторых пришвартовавшихся корабликов и даже, протянув руку, переставить их к другому причалу.

После обеда море волнуется - раз, и два, и три, - выдыхает медуз и водоросли, его поверхность теперь потёрта и уже вся в прорехах, из которых исподним - гребешки волн. Я наблюдаю за тем, как солнце плавится и истекает на водную ткань бликами-заклепками, как оно исподтишка клонится к Евпатории, - так раздухарившийся кавалер протягивает руку вдоль спинки скамейки и "ненароком" касается плеча девушки...

*вечерний бриз
отпускаю на волю
волосы*

Зиновий Вайман

Хайбун для бывшей жены

*безветренно так —
ветви голой березы
висят под углом-с*

Стал готовиться к случайной встрече с бывшей женой, тренируясь-приговаривая: “А вот и Нюша идёт!” Но всё не было и не было её, неделя за неделей пролетали как дни. А нынче в пятницу вечером подморозило так, что... и вдруг вижу - идет. Она самая. И без мужа. Но с собакой, мощным догом. Она его внуком-моим-Соломоном называла, пока пес был молод.

...А меня “псиной мерзкой” окрестила. Я у приятеля нашего, Ильи, спрашиваю:

«Почему она к собаке как к человеку относится, а меня - как дворнягу третировала?» Илюха подумал и говорит: «Потому что ты и есть дворняга, а Соломон - это человек...»

Вона, вишь, направляется с ним к себе, в кооперативную квартиру на шестом этаже. В весе Нюшенька прибавила. Но всё равно ядрёная. И взоры мечет. Глаза у Нюши светлые, злые. А были карими, бреке-кекекс...

Скомкано произнёс подготовленную фразу. А она запальчиво: “Что это ты таким добродушным стал? Вот что любовь делает с человеком!” - это она про мою подругу, готова сцепиться со мной.

“Любовь? Какая любовь? Почему любовь? Не любовь, просто время... время прошло. Время,” - говорю.

“А-а, время... Раньше ты избегал меня, а теперь вот...” - повернулась и пошла.

Я ей вдогонку: “А где Лана? Где Лана теперь? У тебя, что ли?”

Нюша не обернулась: “Я же тебе сказала - в Питере.”

Лана - это дочь наша. Хотя и замужем, а детей нет.

*бабочка пьёт...
отгибает ей крылышки
ветер заморский*

Кира Иванова

Жизнь расфасована на пакетики: "быстродень", "быстроночь", "быстрозавтрак"... Они полны вкусовых добавок и, видимо, ГМО. Быстро привыкаешь, и очень хочется еще, да и мутации налицо... или на лице?

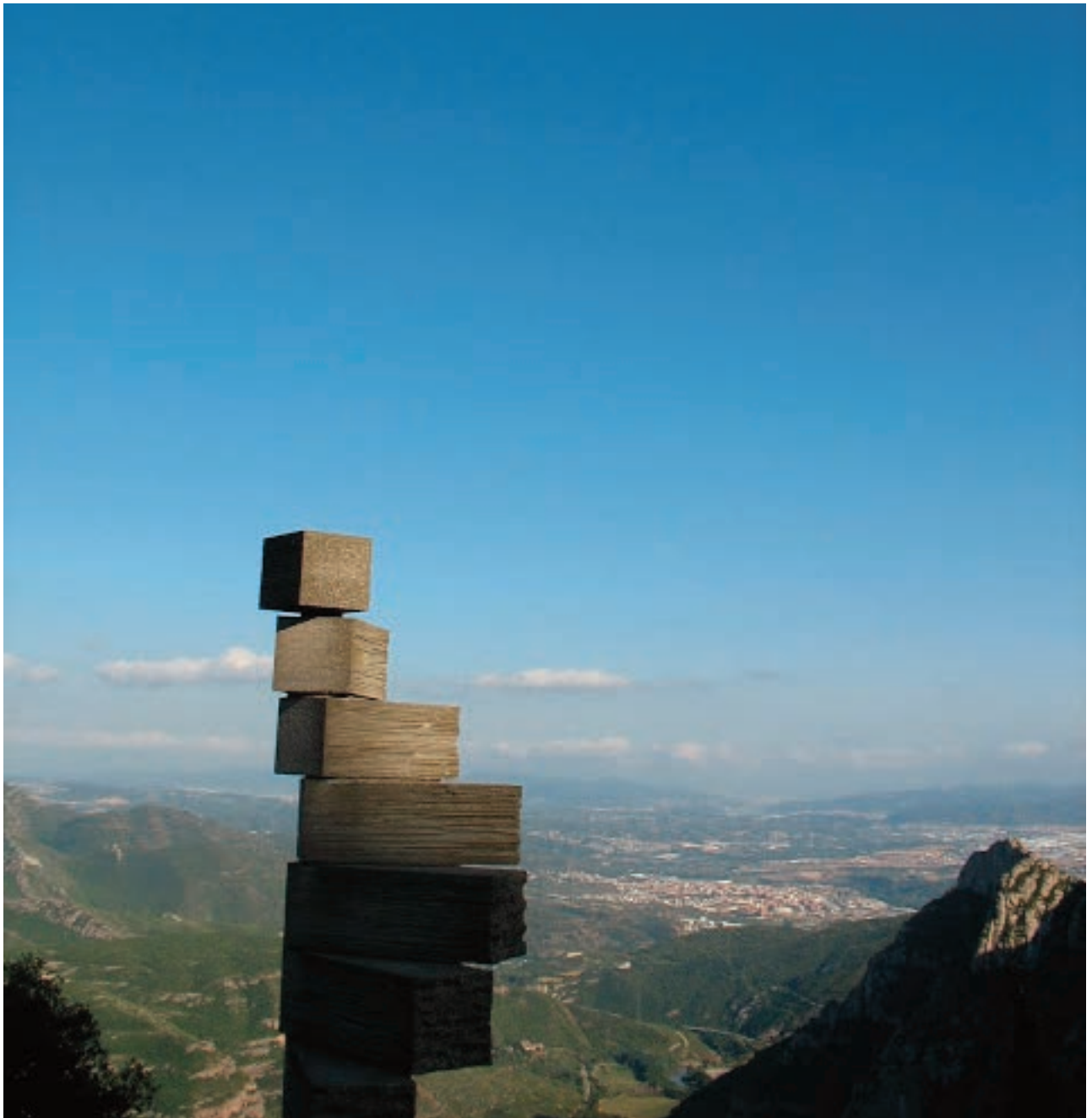
Самое вкусное - это "быстросны", особенно если несешься в них на быстровелосипеде через быстровесну, быстролето и быстрозиму... И на одной из осенних кочек улетаешь прямо в небо... где все можно делать уже не быстро... нужно делать не быстро. Если получится.

В невесомости надо учиться жить еще на земле.

ночное окно

за закрытыми веками

небо без звезд

Катерина Ерошина

Дождь

Первый весенний дождь в городе – всегда внезапно. Главный запах этого дождя – намокшая пыль. Свежесть нескоро перебьет ее душноватый привкус в воздухе.

Мокнут и просыпаются кусты, топорщатся обрезанные ветки городских деревьев. Порой кажется, что это новая порода – «дерево городское», так роднит их безжалостная зимняя обрезка. Они стоят во дворах, воздев к небу культ веток, будто грозят кому-то. И все же, все же они упорны в своей жажде жить! Трогательные и сильные, появятся новые ветки на обрубках.

Мокнут окурки на асфальте. У каждой остановки есть такой островок – здесь зимой был сугроб, в который отбрасывали на бегу окурки, заскакивая в двери троллейбуса. Молчаливым укором мокнут окурки под балконами и форточками курильщиков. Скоро поднимется трава и поглотит их.

Город не становится чище. Но это лишь первый дождь, впереди майские ливни и лето...

Ты отходишь от окна, кутаясь в теплую шаль, – отопление недавно отключили, дом еще не прогрелся.

На десктопе – фото с прошлогоднего отпуска. Беззаботные лица, яркие краски, выбившаяся непослушная прядь, которую ты привычно сдуваешь, идя на кухню.

Кипит чайник. Слышно, как поворачивается ключ в двери, и ты ставишь на стол две чашки.

Виктор Ветлин

сонное утро
теннисисты на корте
разгоняют туман

полный штиль
облака и медузы

неподвижный туман
никак не начнется
осенний день

промерзший автобус
мимо Большой Медведицы
в парк

"у" (無)

мчатся сквозь космос
соседские мальчишки
на старой иве

гитара Хендрикса
всё громче и громче
чайник кипит

музыка стихла,
слышно как плаваются
льдинки в стакане

туман
за соседним домом
край света

Николай Гранкин

свадебный кортеж
скачет следом
воздушный шарик

ветреный день
треплет река
отражение ивы

маленькая кухня
хлеб-соль в полоске
солнечного света

подарок внука
чуть великовата
летняя шляпа

листопад
за трамвайным окном
незнакомые лица

выставочный зал
чуть подрагивает
фотография "ню"

наполовину
из жёлтых листьев -
этот дождь

больничный коридор
оборачиваюсь на стук
каблучков

после снегопада
пробует голос
мальчишка

Николай Гранкин

Боб Айбибеков

Вот рассмешил!
Назвал меня хозяином цветов
Случайный прохожий

Вернулся домой
Сумку раскрыл и опять –
Запах больницы

Заготовка дров
Вспомнил отца, постоял
И вновь за дело...

Ниёля Керушаускене

такой тёплый ветер...
прячу зимние сапоги
в самый тёмный угол

первая гроза...
на полотне такая
яркая колокольня!

тёплый вечер
лишь слегка дотронулась –
утонула в жасмине

опять ошибка!
уже целый час сосед
учится играть

Александр Шитковский

Коктебель
в снегу
купаются вороны

надгробье
ни разу не видел
его улыбки

детский сад
на снегу за верандой
солнечный круг

старый сад
разрослась у забора
поленница

летняя кухня
в тёмном углу
живёт поросёнок

осень
длинноногие тени

девятый -
куда-то выше
улетают листья

Ирина Касатонова

переезд
оставляю трюмо
с запахом своих духов

гулкая тишина
по шурупам в стене
ещё помню картины

сидят на завалинке под луной
городской приезжий
и деревенский кот

Константин Авхимович

красное полусладкое
осеннее солнце
и дождь

дом напротив
черной литерой "М"
сохнут джинсы

полная луна
на остановке
все смотрят в другую сторону

Людмила Кондратова

первые ягоды
донашивает платье
пугало в грядках

гостинцы от внука
нюхает бабушка
каждое яблоко

каша с тыквой
долго смакует старик
комочек

Ольга Черных

стук топора
собака нюхает
ветер

тропка в горы
окликнула старушка:
"пани, наберите яблук"

серое небо
дрогнула кисть
на сломанной ветке

грею руки
в твоём кармане
прошлогодняя семечка

морозное утро
греемся
в одной варежке

Инна Хмель

так они и встретились:
в питерском колодце
весенний ливень

метки на дверном косяке
с каждым годом
все ниже проем

долгая усталость
как ни засну
никак не проснусь

долгая болезнь
всех развлечений -
менять сторону кровати

юбилей
среди пожеланий здоровья
вполголоса - о легкой смерти

как много способов
уйти -
убывающая луна

семейная могила
снизу на плите
год рождения - и пустота

так высоко
так глубоко
отец

"о моей семье"
за сорок пять минут
исчерканный лист

далекая страна
не на месте
сердце, большая медведица

строительные леса
из пустоты в пустоту
перебирается лист

весенний дождь
все утро слушал
как растет рис

последний раз
его не видели
когда он любовался снегом

Алексей Пральников

андеграунд
мои попутчики
тоже небриты

Валентина Назарова

перестук дождя
всё быстрее
чьи-то каблучки

Яна Полтарак

клён за окном...
только и осталось рыжего -
соседский кот

Виктор Грипасов

утренник
пахнет акварелью
маска кролика

Алексей Ким

школьная карта
пробежал по морю
солнечный зайчик

Анастасия Бабкина

Переехал к сыну
А все слышит и слышит море
Старый рыбак

Олег Ленцой

зеркальное озеро
трусит, набирая круги,
старичок

Михаил Ежов

падающие звёзды
одна...другая...
лежу без желаний

Нелли Сливинская

собран урожай
проводит электричку
заяц

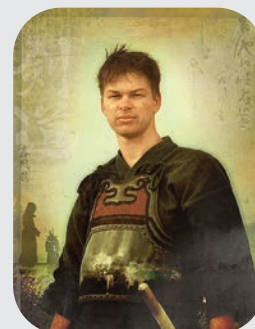
чашечка кофе
беседуют
саксофон и бас

Свят Подольский

кистью по шелку -
дрожат лепестки
от прикосновения

Святослав Подольский

г. Черкассы, Украина, 39 лет.
Работаю дизайнером полигра-
фии, занимаюсь кэндо, фото-
графией, люблю кататься на
велике. Иногда сочиняю хокку,
когда есть настроение...

Алексей Фан

вода ушла
башмак на берегу
разинул пасть

капли дождя
брызнули врассыпную
водомерки

восход луны
на краю света
замок из песка

туман
у шоссе полная банка
парного молока

со сторожем
продает свой дом
одиноким старик

поздняя осень
у шоссе пустой
рекламный щит

заседание суда
в заиндевевших окнах
нет просвета

старинная квартира
леденцы с привкусом
серванта

огни пустой аллеи
мешаю трубочкой
коктейль со льдом

Марина Даренская

облетает всё
кроме луны
яблоневый сад

щебечущий тополь
как ни вглядываешься
никаких птиц

Иван Кротов

ветрено
второй день сводят с ума
старые качели

общая тетрадь
такие разные
воспоминания

Андрюс Луняцкас

ночная выюга
прислушиваюсь, как за стеной
не кашляет дочка

весеннее утро
сразу во все стороны
идти хочется

на вокзале
по всем направлениям
листопад

Филипп Вартан Мелькиседек

под копытами
из лужи в лужу луна
на убыль

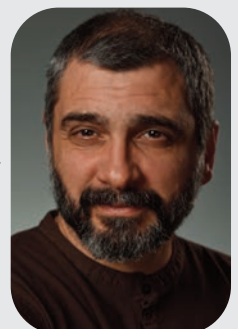
запах свежескошенной травы
как легко говорить тебе
правду

пустое небо
переворачиваю
горячий лаваш

засмотрелся в окно
ещё одна страница в дневнике
осталась чистой

Слишком высокие своды
молитву шепчу
по памяти...

Филипп Вартан Мелькиседек
(Филипп Вартанович Экозьянц)
Писатель, певец, основатель
Школы Русской Азбуки и Школы
Поющих Стихий "Три-О", телеви-
зионный ведущий, кинорежиссёр,
сценарист. В настоящее время
живёт и работает в Харькове.

Михаил Ляблин

в луче фонаря
тянутся нити тумана
колокольчики коров

бабье лето
в затопленной лодке
молча кормим мальков

Анна Ладина

утренняя пробежка
потянулись ниточки
молодой травы

равноденствие
жарятся на сковородке
кружочки кабачка

заснеженное озеро
за яркое крыло кайта
цепляется взгляд

Светлана Кондратьева

первый снег
ноги сами бегут
на работу

незабудки
меняю очки
на голубые линзы

Киоло

листопад
сiju на лавочке
посреди вселенной

приговор
на плече заключённого
луч света

Радион Хузин

новый день
каждому свой
лучик солнца

снег идёт
соседи за стенкой
спряят за жизнь

зимний день
так до ночи и застрял в лесу

поздний вечер
всё гаснет и гаснет
свеча на картинке

новый месяц
ещё часа полтора
до Сириуса

Радион Хузин

ключевые слова: геолог, дети, жить,
радовать(ся), учиться, Уфа, хайкай

Иса

побелевшие глаза хариуса...
бабушка вспоминает
что любил петь дед

Сергей Шпиченко

летний ливень
глазунья на сковородке
шкворчит

последняя гастроль
наперегонки с листьями
обрывок афиши

конечная остановка
в ветках ели
кленовый лист

мороз за окном
пробую на хруст
огурчик из банки

фото Георгия Аветисова

Виктор Ветлин

в новый век
один за другим
слоники на комод

Людмила Кондратова

портянки у печки
раз за разом чихает
собака

Ольга Черных

колядники
так фальшиво поёт
маленький чёртик

Филипп Вартан Мелькиседек

второй звонок
в театральном буфете остался один
бутерброд с колбасой

Нелли Сливинская

новая коллекция
прозевала
отражение автобуса

весенняя уборка
в коробке игрушек
перезимовал второй тапок

Марина Даренская

две сумки еды
вежливо качнулся в сторону
пьяный встречный

это не он
жалко
я так красиво шла

Светлана Кондратьева

сеновал
столько колкостей
наговорили друг другу

Яна Полтарак

унылая пора -
ни аистов
ни капусты в поле

Константин Авхимович

улыбаюсь мыслям
о спящих слонах в автобусе
раннее утро

Егор Пудаков

Сон
я в нем
смотрю ужасно...

Алексей Фан

конец календаря мая
немного за полночь
выключил свет

Иса

обильная роса
и только кузнечика полусухое
ст-ст-ст-ст-сти

сумерки
допивают мушки
плесневелый виноград

густые осенние сумерки...
из распоротого брюха тайменя
непереваренная рыбешка

ранние сумерки
на связке постукивают друг друга
мерзлые тушки рыб

Марина Даренская

недолгая оттепель
светлые глаза у щенка
рожденного в зиму

Радион Хузин

морозно
всех огоньков в деревне
луна да звёзды

Нелли Сливинская

пригрело
в прошлогодних фантиках
стрелка крокуса

Виктор Грипасов

обильная роса
заливается лягушка
в сливной канаве

Ирина Касатонова

новый асфальт
там, за многоэтажкой
вишня в цвету

Виктор Ветлин

ветра порыв
за капустницей вслед
вьюнки

Ниёля Керушаускене

яблоневый цвет...
не помещаются на скамейке
все внуки

Александр Шитковский

безлунная ночь
в запахе скошенных трав
нотка полыни

Боб Айбибеков

Сквозь щель в заборе
Тянется к прохожему
Усик огурца

Осенний вечер
Слышно как где-то вдали
Играют в футбол

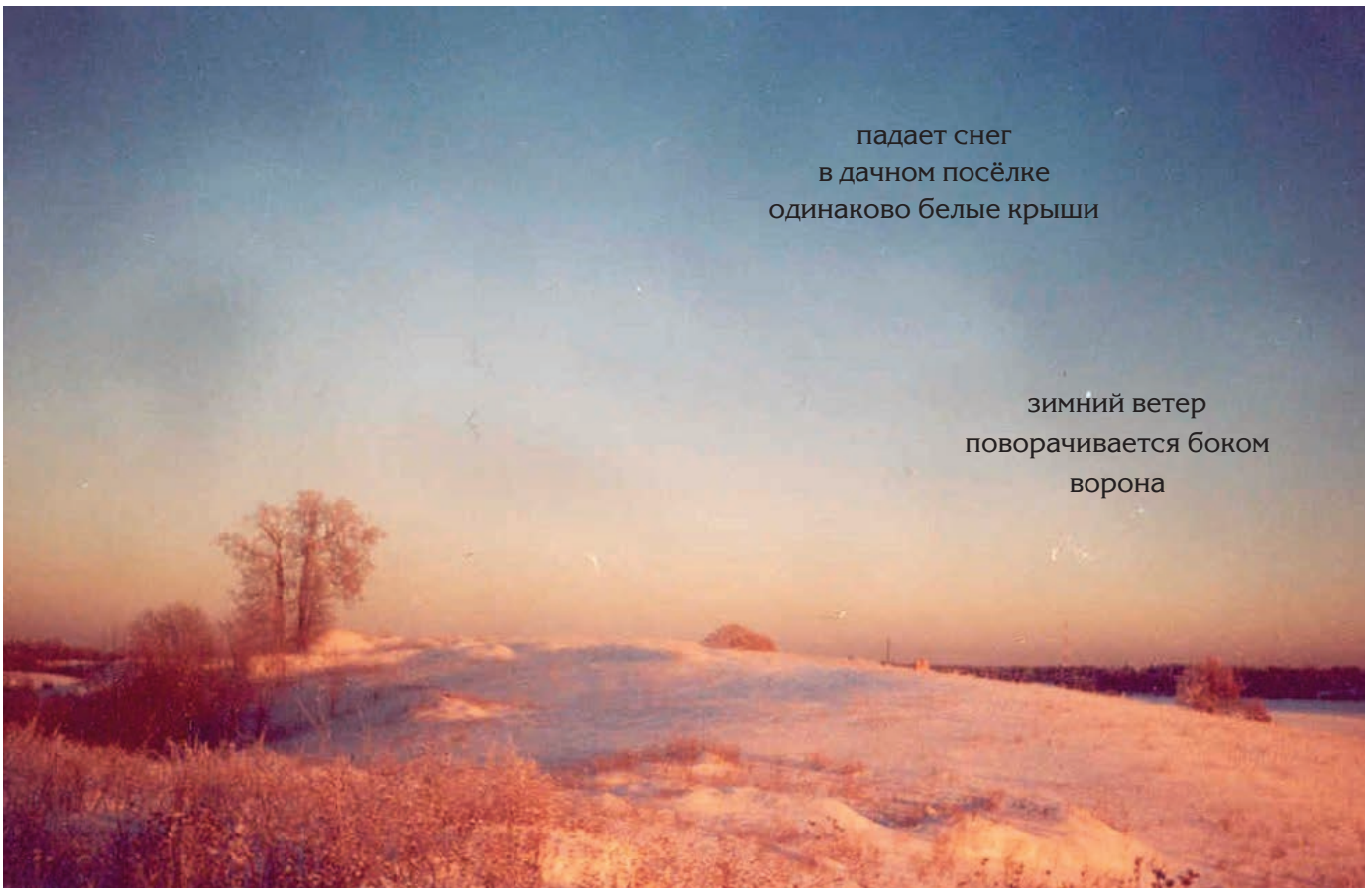
Николай Гранкин

осенний ветер
катится мячик
сам по себе

задождало...
на старой дороге
траектория луж

падает снег
в дачном посёлке
одинаково белые крыши

зимний ветер
поворачивается боком
ворона

Алексей Фан

вьюга
у слуховой шахты
воркует голубь

летний ливень
на струне гитары
притихла муха

обложной дождь
в сплетении ветвей
пустые гнезда

Яна Полтарак

первый снег...
принюхивается кот
к лужице в прихожей

дворовая лужа...
вдоль лунной дорожки
темнеет доска

"у" (無)

полная луна
мигают светофоры
желтым

"у" (無)

первые заморозки
на брошенном тракторе
дремлют вороны

Алексей Ким

светает
между кленовых сережек
дремлет синица

весенняя степь
закроешь глаза
и слышно чаек

Инна Хмель

башня королей
из пустой бойницы
вылетают бабочки

лопух у колодца
в глубокой тени
домики улиток

Сергей Шпиченко

развилка
колышутся травы
во все стороны

бабье лето
запах свежей побелки

Пьяный Исса

(переводы Ольги Чигиринской)

朝不二やとそのてうしの口の先
 asa fuji ya toso no chôshi no kuchi no saki

Фудзи поутру
 Новогоднего тоста
 Вкус на губах.

梅さくや泥わらじにて小盃
 ume saku ya doro waraji nite ko sakazuki

Слива зацвела.
 Грязные сандалии,
 Да чашка сакэ...

夕立や大肌ぬいで小盃
 yûdachi ya ôhadanuide ko sakazuki

Вечер грозовой.
 Нараспашку кимоно,
 Чашечка сакэ.

梅咲くや現金酒の通帳
 ume saku ya genkin-zake no kayoichô

Слива зацвела.
 Запишу в расходной книге:
 "Деньги на сакэ".

夕立や貧乏徳利のころげぶり
 yûdachi ya bimbô tokuri no korogeburi

Вечерний ливень.
 Бутылочка, бедняжка
 Гремит-катится...

陽炎や翌の酒価の小柴垣
 kagerô ya asu no sakane no ko shiba-gaki

Весенняя дымка
 Над изгородью живой
 Список цен на вино.

鶯や大盃のぬれ色に
 uguisu ya ôsakazuki no nure iro ni

Это соловей
 Отражаясь в пиале,
 Цвет ей придает.

蝶とまれも一度留れ盃に
chô tomare mo ichi do tomare sakazuki ni

Мотылек, постой!
Еще раз присядь, прошу,
На чашку сакэ!

蝶とぶや茶売さ湯うり野酒売
chô tobu ya cha uri sayu uri nozake uri

Бабочки летят...
"Кому чай? Кому сакэ?
Кому кипяток?"

夕暮や大盃の月と蚤

yûgure ya ô sakazuki no tsuki to nomi

Вечер наступил.
Плавают в чашке сакэ
Луна и блоха.

露見ても酒は呑るることし哉

tsuyu mite mo sake wa nomaruru kotoshi kana

Созерцание
Выпавшей утром росы -
Чем не повод выпить?

酒桶や雉の声の行とどく

sake oke ya kigisu no koe [no] yuki-dokoro

В бочке для сакэ
Эхом отзывается
Голос фазана.

婆々どのが酒呑に行く月よ哉

baba dono ga sake nomi ni yuku tsuki yo kana

Бабушка идет,
Пьет винишко на ходу.
Ах, лунная ночь!

畠縁に酒を売也麦の秋
hata-beri ni sake wo uru nari mugi no aki

На краю поля
Продают сакэ вразнос.
Ячменная осень.

盃をちよいと置たるぼたん哉
sakazuki wo choi to okitaru botan kana

Чашку для сакэ
Ненадолго отложил,
Глядя на пион.

悪酒や此時鳥此木立
waru-zake ya kono hototogisu kono kodachi

Скверное сакэ -
Но этот зов кукушки,
Эта изгородь...

Редакционная кухня (история одной правки)

Первый подход:

осень забрала
своё
одинокчество
(Константин Авхимович)

1-й редактор: я разбила бы строки:

осень
забрало свое
одинокчество

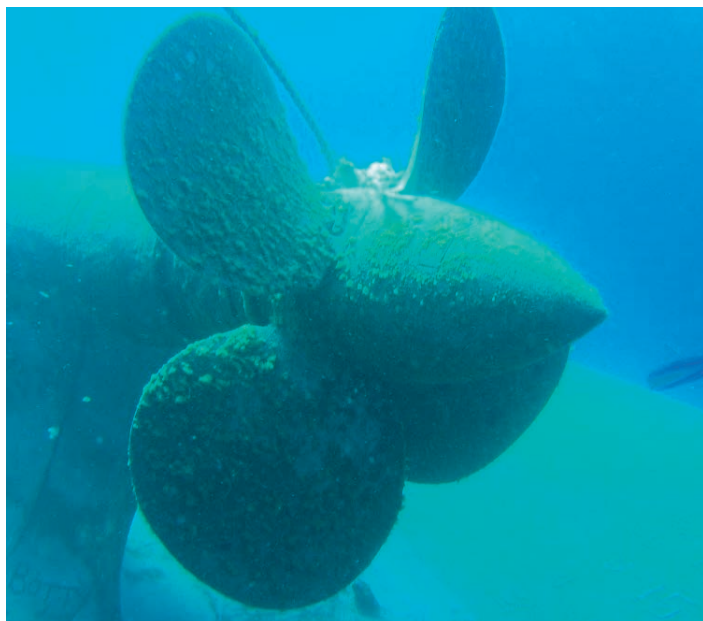
т.е. переключила бы с осени на человека, и тогда можно взять во фристайл.

2-й редактор: да, так разбивка хорошая, но как средний род может про человека? И лучше длить процесс, в настоящем времени, мне кажется.

осень
забирает свое
одинокчество

1-й редактор: средний род - про одиночество, которое забрало все свое, что там у одиночества есть, а осень - длится...

5-й редактор: хорошо в исправленном варианте. Средний род - нет, сразу идет отсыл к “эк его разобрало, забралО”

Но давать можно только в варианте автора. Настаиваю, что в данном случае правку делать нельзя - это уже не то, что написал автор, а отдельное, другое стихотворение, которое написано другими людьми. В первоначальном варианте не было этой игры слов. Это уже не коррекция, а переписывание заново, по мотивам, ЗА автора. Это недопустимо.

2-й редактор: тогда имеет смысл не рассматривать его для публикации, это будет справедливо, оно слабое изначально было, с натужным разбиением на строки к тому же.

5-й редактор: да, лучше не давать, это правильно.

Второй подход:

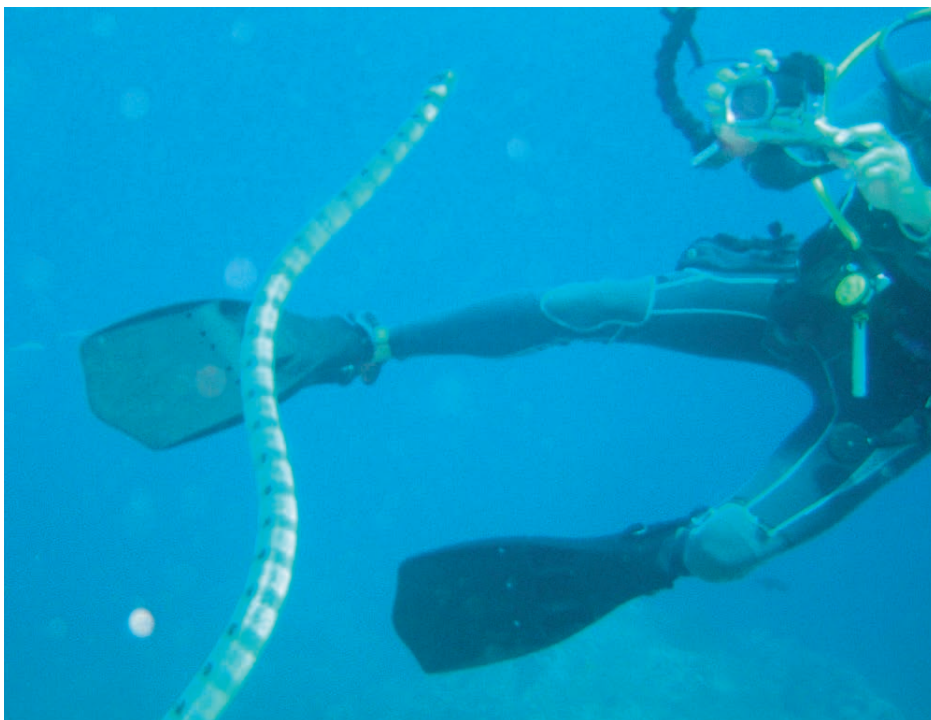
осень забрала
своё
одинокчество

или

осень
забирает своё
одинокчество

5-й редактор: продолжаю считать, что это не правка совсем, очень далеки один вариант от другого - первоначальный более однозначный, одномерный, а после правки - просто расцветает смыслами и объемом... По мне - не стоило настолько помогать автору, это как с ребенком, когда уроки с ним делаешь, - можно научить, как лучше решить задачку, а можно решить за него, но тогда это будет уже не его решение, и он сам ничему не научится...

1-й редактор: согласна - варианты с глобальными правками уже и не авторский вариант, а какой-то "сын полка". Хотелось бы, чтобы авторы, высылающие стихи для журнала, пересматривали их перед отправкой еще раз. Вообще, мне нравятся стихи, в которых сразу и не видно работу. Когда прочел и ощущение - а хорошо! А потом, когда рассматриваешь поближе, уже понимаешь, что работа была проведена, слова составлялись и переставлялись, подгонялись, пока не встали на места. Гармонично, а работы не видно.

3-й редактор: Мне кажется, автор и сам мог бы повертеть этот стих, и у него вышло бы возможно не хуже чем у редколлегии Улитки, главное - направить его мысль в нужную сторону. Такие моменты удачного со-творчества бывали на Критике Хайку...

Постредакционные ремарки:

1-й редактор: Кстати, для меня легче всего отбирать стихи, не отмеченные другими редакторами. Остаешься наедине с собой и не видишь, как другие реагируют. Если отметка уже есть, то тут приходится, мало того, что с собой общаться, так еще и с теми, кто успел до тебя. Но бывает, что в подборке автора какие-то стихи уже отмечены, а какие-то ждут своего часа. Вот в этом случае зависаешь вообще надолго. Почему стих не отмечен?!, что с ним не так?! Потом, конечно, поняла - если не можешь сказать ни "да", ни "нет", нужно отвлечься. Дать шанс стиху.

Помню, что сама ощутила этот стих примерно так:

осень
забрала бы свое одиночество

Что-то такое мне всегда нравится - но хайку ли это?! Ведь скорее - нет, не традиционное, не современное. Фристайл?! - в котором, как известно, возможно все?

2-й редактор: Для редактора существует определенный набор слов, при чтении которых он обязан делать «стойку», как охотничий пес, почуявший добычу. Туда входит и слово «свой», «свое». «Он взял ее лицо в свои ладони» - ну а в чьи же? Обычно такие сорняки выплывают. При первом чтении рефлекторно потянулась рука и на этот раз, но глаз зацепился за стих, и оказалось, что тут это слово на месте. Это уточнение (свое одиночество) необходимо, так как осень могла бы забрать и одиночество лирического героя впридачу... если рассматривать первый вариант. Конечно, во втором варианте это самое «свое» более оправданно, там одиночество наваливается неотвратимо, пядь за пядью забирает своё... но и в исходнике ощущается это подспудное психическое тремоло, этот нерв. Просто не так внятно и полнозвучно передано. Во многом из-за неоправданного разбиения на строки. В жанре хайку перетасовку в строках можно считать тяжким редакторским грехом. Повторюсь: именно в нашем жанре. Впадать ли в этот грех в следующий раз? Лучше пусть сначала помесит своё тесто сам автор...

4-й редактор: Аксиома "все люди разные" распространяется и на хайдзинов. Одни пишут хайку

по принципу, изящно высказанному когда-то Софией Русиновой

Остановись, мгновенье,
нет, проходи...
Следующее!

схватывая момент, фиксируя его в трех строках и не возвращаясь к нему более. Другим ближе вдумчивый, неторопливый подход, с правками и возвращениями, при котором от первоначального замысла зачастую ничего не остается. Вполне естественно, что между этими полюсами можно подсмотреть еще какое-то количество "оттенков серого", но не об этом сейчас.

Каждый из этих противоположных методов имеет свои плюсы и минусы. "Фотографы" (назовем их так) часто ухватывают совершенно замечательные сюжеты, картинки жизни, но при этом грешат качеством преобразования увиденного в написанное. Некогда, вот оно, следующее мгновение, которое нужно схватить и зафиксировать! "Перфекционист" же, бесконечно борясь за улучшение улучшенного, зачастую приводит свое трехстишие к виду сугубо декоративному, в котором за блеском шлифовки и полировки уже и не видно самого предмета.

Подготовка каждого нового выпуска журнала - это отбор лучшего из имеющегося и улучшение хорошего, но сырого. Сырое, обыкновенно, бывает у "фотографов". "Перфекционистские" работы, доведенные до "идеального блеска", часто не вызывают отклика в душе - всё уже мертво, даже окропление "живой водой" не в состоянии оживить мумию.

Хайку Константина - это чистейший фристайл, цепляющий, бередящий, наводящий на размышления. Здесь нет игры слов, здесь, фактически нет метафоры, зато есть отличный минимализм. В авторском варианте не хватает чуть-чуть - формы и размерности. Маленькая, практически декоративная доработка расставляет всё по местам. Вроде бы ерунда, "смахнули пыль", а внешний вид стал совсем другим, акценты оказались на своих местах, посыл стал более отчетлив. Финита, работа сделана, следующий!

Мнение независимого критика хайку Светланы Новицкой (leni2263) об отредактированном варианте:

Возможно, это не совсем хайку, но над ним хочется подумать. Стих как раз из разряда таких, о которых мало что можно сказать внятно - все будет не так и не о том, но который многое оставляет на подумать и прочувствовать.

Ирина Ермакова

Интерес к танка возрождается волнами

Уважаемые читатели!

Представляем вам интервью и избранные строфы известного поэта и переводчика, автора нескольких литературных мистификаций и многочисленных публикаций в периодике, Ирины Ермаковой. Она - автор такой литературной мистификации как книга «Алой тушью по черному шелку» и человек, давно и серьезно интересующийся танка.

* * *

Ред: Судя по публикациям в интернете, Ваша мистификация «Алой тушью по черному шелку» была создана в сложное время - 90-91 гг. Можно ли чуточку истории: как пришла такая идея, как она «пробивалась» в жизнь и как реагировали на нее в то время Ваши друзья или знакомые, и как – просто читатели? Наверное, само то время, скажем так, немного авантюрное, способствовало продвижению идеи?

ИЕ: Мистификация была очень весело начата в конце 91-го года и писалась с перерывами двадцать лет. О том, как всё это было, я рассказывала несколько раз. Довольно подробно говорится о возникновении идеи и приключениях Ёко Иринати в предисловии и послесловии к книжке «Алой тушью по чёрному шёлку». Предшествовало этой истории давнее, ещё со школьных времён увлечение дальневосточной, особенно японской, поэзией, а позже дальневосточной (особенно, опять же, японской) культурой и философией. Всё это оказалось очень близко моему собственному ощущению мира. Во всяком случае, ближе, чем ощущение мира западного. Позже, в 70-е, начале 80-х, картина мира была скорректирована, в ней появились элементы западной культуры.

фото Анатолия Степаненко

Если медленно и внимательно вчитываться в особым образом расположенные в книге стихотворения Ёко Иринати, картина эта проявляется, становится очевидным избирательное соединение Востока и Запада, а также взгляд на происходящее из русского XX века.

А время – да, было электрическим, идеи в нём вспыхивали постоянно, и никаких сложностей с их «пробиванием» я не помню. Мистификация была принята на ура друзьями, знакомыми и публикаторами. «Просто читатели», насколько мне известно, тоже веселились от души. Во всяком случае, публичные чтения сопровождались смехом слушателей.

Ред: Почему Вы решили писать именно в форме танка, а не в форме рубаи, или стансов, к примеру? Если автору рифма привычна и хотелось окунуть читателя в японский колорит, то почему не киндайси? Чем привлекла Вас эта форма?

ИЕ: Вряд ли решение о том, как это будет написано, принимала я. Первые танка (привычнее – пятистишия) сами застучали в голове после событий августа 1991, когда на улицах города впервые появились танки (это и была рифма: танки – танка), рухнула империя и вся наша предыдущая советская жизнь рухнула вместе с нею.

Ред: Почему была выбрана эпоха Хэйан? Живи Ваша лирическая героиня во времена Серебряного Века, сюжетных вольностей было бы куда больше...

ИЕ: Времена, как известно, не выбирают. Ёко Иринати попала не в эпоху Хэйан, а во времена разлома исторических эпох и крушения империи. Об этом, хотя и не только об этом, и написана её книга. Наступали новые суровые события. Золотой век Хэйан, век «мира и спокойствия» кончился, подобно тому, как рухнул Советский Союз. И эта параллель неназойливо протягивается сквозь всю книгу «Алой тушью по чёрному шёлку». События незабываемые. Не каждый день на глазах у нас разваливаются империи.

Ред: Интересуетесь ли, отслеживаете ли нынешнее состояние танка в Японии? Если да, то влияют ли на этот древний жанр новые литературные веяния?

ИЕ: Конечно, интересуюсь, хотя отслеживать не всегда получается. Мне представляется, что непременно должны быть взаимовлияния, очень уж крепки в Японии традиции, в том числе и литературные. Интерес к танка возрождается, видимо, волнами, время от времени, и во всяком времени с наслоениями современности. Исикава Такубоку, например, жил 100 лет назад, и реалии столетней давности чётко проступают в его стихах.

Ред: В стенах Литинститута им. Горького мы однажды услышали мнение, что писание хайку и танка на русском языке и про наши реалии (если это не ироничные подражания) поэтом из российской глубинки выглядит комично. Каково Ваше мнение на этот счет?

ИЕ: Выглядеть комично, на мой взгляд, – большая честь. Главное – чтобы было талантливо. Выглядеть комично может всё, что угодно. Это как взглянуть. И в какой контекст попадает разглядываемая вещь. Если стихотворение (цикл стихотворений, книга) не растворяется в воздухе, а становится фактом культуры, первоначальный взгляд на него, обычно, меняется. Понятие «комического» также не постоянно во времени. Вспомним, как хохотали современники над началом романа «Евгений Онегин». Вспомним, что великая поэма Данте названа «Комедией», эпитет «Божественная» был добавлен позже.

Ред: Сонет, как и танка, является твердой, иными словами, жесткой формой, и также не родным жанром для россиянина, хотя таким же по направленности: сентиментальным, романтическим, с завуалированными элементами эротического сообщения. Почему сонет более известен и популярен у нас, как Вы это объясняете?

ИЕ: Вряд ли сонет подобен танка. Разве что в твердости формы. Сонетные сентиментальность и романтизм – понятия западные. Японец, скорее всего, не поймёт, о чём речь. Кроме того, ему, японцу, и в голову не может прийти скрывать элементы эротического сообщения. Он просто не поймёт – зачем их скрывать? Другой вопрос – дальневосточный поэт не станет ни о чём говорить прямо, в силу особенностей национальной поэзии.

Отечественная литература имеет западные корни. Колыбель её – античность. Русская поэзия юна, ей всего-то три века от роду. Явилась она к нам от соседей слева. С запада. Через Польшу. Явилась раньше, чем Россия обрела свой Дальний Восток и обнаружила соседей справа. Каким бы ни было дальнейшее развитие нашей словесности, не учитывать правых соседей, богатства дальневосточной поэзии, прозы, театра, она, я думаю, уже не сможет.

Ред: Ирина Александровна, планируете ли Вы еще раз окунуться в малые поэтические формы восточного направления? Если да, то какой жанр Вам интересен на этот раз?

ИЕ: Мне, увы, не дано предугадать, а, тем более, планировать то, что будет написано. Но если японский бог, один из японских богов, скажем, покровитель поэзии Сумиёси будет столь любезен, что вновь обратит на меня своё драгоценное внимание – почему бы нет? В любом жанре. Кроме скучного.

Ирина ЕРМАКОВА

ИЗ КНИГИ
АЛОЙ ТУШЬЮ ПО ЧЁРНОМУ ШЁЛКУ

МЕДНОЕ ЗЕРКАЛО

*... только тогда стихотворение всего в пять строк
становится искусством, которое обладает силой
потрясать Небо и Землю.*

Камо-но Тёмэй,
«Записки без названия», 1211г.

Священное зеркало последовательно отражает отражения. И фокусирует обратную перспективу времени. И не допускает искажений. И Мастер священного зеркала отвечает за это животом своим.

Вглядываясь в текст, я помню, что поэзия в старой Японии была связью времён, что Ёко Иринати записывала стихи на обрывках ветра, что попала она в бурные времена разлома исторических эпох.

Отблестал золотой век японской культуры – эпоха Хэйан (IX-XII в.в.). Надвигалась мутная эра бесконечных усобиц и гражданских войн, упадка и разрухи. Всесильный император, потомок самой богини солнца, уступает Японию военному властелину государства – сёгуну. И страну немедленно захлёстывают небывалые стихийные бедствия – ураганы, пожары, землетрясения, голод, мор. Прекрасный город Хэйан, «столица мира и спокойствия», сожжён и разграблен. Рассыпается всё. Рушится жизнь.

И японская поэзия второй половины XII века достигает высочайшего совершенства. Поэзия в старой Японии всегда была связью времён.

А время – время как бы переключилось на иную скорость. Вместо аристократического экипажа, запряжённого медлительными волами – осёдланные кони. Вместо культа красоты – культ меча. Вместо утончённых хэйанских кавалеров, занятых придворными интригами и церемониями, любовью и стихами, – суровые воины, с их верностью долгу и грубостью, великодушием и хитростью, нежностью и харакири. Именно этого требовало от самурая новое время. Именно таков лирический герой знаменитой книги Ёко Иринати «Алой тушью по чёрному шёлку».

Что же касается лирической героини – о действительной жизни Иринати (1151 – ?) почти ничего не известно. Предполагается, что «блистательная Ёко», как называли её современники, барышня из аристократической семьи, воспитывалась в кругу, жившем ещё хэйанскими традициями, изящными искусствами и, прежде всего, – поэзией и музыкой. При отлучённом от большой политики Дворе продолжались пышные поэтические турниры, свистели флейты. Учитывая тональность времени, император вынужден был позволять участвовать в этих мероприятиях и, заинтересованным поэзией, молодым самураям. На одном из таких турниров, как настаивает легенда, и встретились герои этой книги. Два очень разных человека. Две разные эпохи. Связью времён в старой Японии всегда была поэзия.

В книге «Алой тушью по чёрному шёлку» – 108 танка. Это, по сути, роман, сюжет которого может, конечно, отдалённо просвечивать сквозь текст книги, ведь мы привыкли улавливать по-следовательность событий, когда одно исходит из другого и непременно следует за ним. Однако у этого рисунка происходящего иная перспектива. В мире постоянной изменчивости временная последовательность несущественна. И потому нелинейно действие. Оно разворачивается подобно лучам, веерно исходящим из одного центра – кокоро, как говорят японцы. И круговые волны событий перетекают друг в друга. И подвижная гармония уравнивает текст и манеру исполнения, когда важно не осознать, но пережить. Не узнать, что такое бабочка, а почувствовать себя ею.

Каждое стихотворение – отдельный живой организм. В нём – всё. И в то же время оно связано с каждым стихотворением книги. Так одна драгоценность отражает остальные. Так целое может осуществиться лишь при самостоятельном существовании отдельного. И отсюда – ощущение всеединства.

Танка («короткая песня») пришла из глубокой древности, народного мелоса и расцвела в эпоху Хэйан, постоянно оттачиваясь на придворных поэтических состязаниях. Умение слагать стихи было обязательным для успеха

при Дворе, и подразумевало знание жизни. Поэтический дар ценился как высший дар богов. Двоеверие японцев XII века (набирающий силу буддизм и исконный народный синтоизм) наделяло поэзию животворящей божественной силой. Поэтов считали магами, заклинателями слов. Поэзия могла всё.

Танка не декламировались, а пелись, погружая аудиторию в обаяние текста, вызывая в ней встречные эмоции – додумывание, дочувствование прозвучавшего стихотворения. Краткость танка предполагает ёмкость и недосказанность, многослойность и плотность смысла. Чтение танка, обманчиво простой на первый взгляд, картинка, предполагает внимательность и неторопливость. Только тогда картинка, оказавшись волшебной, проявляется.

Поэтическая миниатюра рождается мгновенно, интуитивно, на пике эмоции, подобно вспышке молнии. Талант и мастерство автора создают поле напряжения, ту самую предгрозовую ситуацию, в которой вспыхивает стихотворение. И каждое из них получает дополнительный смысл в круговой последовательности поэтического рассказа с его волновыми законами развития сюжета и лучевыми особенностями композиции.

Так, из отдельных картинок мира, обрывков ветра складывается эпос жизни.

Высота, на которую поднялась во времена Иринати поэзия страны Восходящего Солнца, изощрённая техника, расцветшее искусство версификации, – требовали от стихотворца огромных усилий. Огромных усилий или щедрого дара японских богов. Стихи Ёко окружал почтительный гул восхищения. Критика не решалась верить их алгеброй. Каждое её стихотворение воспринималось современниками как маленькое чудо.

Кодируя время, проходя огонь, воду и медные зеркала, поэзия в старой Японии всегда оставалась категорией вечности.

В одном из монастырей Киото, как величайшая драгоценность, хранится флейта Сяку, по легенде принадлежавшая Иринати. Музыкальным инструментам, издавна очень ценившимся в Японии, давались имена. Что же касается имени лирической героини – за восемь веков оно укрылось плотными наслоениями легенд. Если отбросить мягкое японское окончание «ти», – имя её легко превращается в имя собственное. Не потому ли так завораживает перевод этой истории, хотя поэзия, существующая только внутри языка, действительно неперево- дима. И мой перевод – всего лишь вольная попытка взглянуть в зеркало. Попытка перевести реальность из одного места времени в другое. Попытка научиться «не придавать значения», проходя по-японски и по- русски огонь, воду и медные зеркала.

В синтоистских храмах нет никаких украшений. Единственный предмет преклонения – круглое зеркало из полированной меди или бронзы, сверкающее, как лик богини солнца – Аматэрасу. Зеркало – символ сердца. Когда оно чисто и ясно, священное зеркало отражает в себе образ божества.

Японский язык не создал слова, соответствующего европейскому «ложь». Мировое культурное пространство едино. Язык поэзии универсален. Чувства, переживаемые японской поэтессой восемь веков тому назад вполне современны. Проблемы перевода не существует. Жизнь переводится легко.

Улыбайся,

уходя по-японски.

Точно не известно, где похоронена «блистательная Ёко» Иринати. Эту честь до сих пор оспаривают девять монастырей страны Восходящего Солнца.

Ирина Александровна Ермакова

Поэт, переводчик, лауреат нескольких литературных премий, в том числе большой премии «Московский счет-2008» за лучшую поэтическую книгу года и международной итальянской поэтической премии «Lericipea» (2008); автор шести книг стихов: «Провинция» (1991), «Виноградник» (1994), «Стеклянный шарик» (1998), «Колыбельная для Одиссея» (2002), «Улей» (2007), «Алой тушью по чёрному шёлку» (2011) и двух книг избранных стихотворений: «Ninna-nanna per Odisseo e altre poesie» (в переводе на итальянский, 2008) и «В ожидании праздника» (2009); стихи переведены на 16 языков; живёт в Москве.

Ёко Иринати

избранные стихотворения в переводе Ирины Ермаковой

Дрогнула земля,
камни посыпались с неба,
море вышло из себя, –
в чём я опять провинилась,
японский бог?

Полдня истома.
Скрипнула в небе сосна.
Быстро-быстро бежит муравей
по ноге моей
к нежной вершине.

Ты поклонился мне
в пёстрой толпе
изыскано,
словно столбик
китайских стихов.

Кончиком пальца
скользнуть по одежде твоей,
разбросанной как попало...
Но осторожно,
чтоб ты не заметил...

Изумрудная жаба –
твой драгоценный подарок
спит у меня на груди
между маленьких двух
Фудзиям.

Тише, тише,
радость моя,
выпрыгнешь из сердца,
расколешься, зазвенишь...
Хрупкое утро.

Ушёл, не допил...
Пригублю и вновь закружусь
по комнате с чашей,
расплёскивая
лихое твоё вино.

Резко кричат цикады.
Низкое облако в небе
машет твоим
рукавом...
Ревности ветер!

Бабочка-бабушка
ахнет, всплеснёт,
выпорхнет из цветка
и утрёт
мои зелёные слёзы.

Аромат хризантем!
Восемь раз этой ночью
ты меня наряжаешь,
словно готовишь
на праздник кукол!

Утренняя звезда.
Стук башмаков в переулке.
Запах твоих рукавов
спать не даёт мне
всю ночь.

Перебью
 всю твою посуду,
 сломаю последний стебель,
 а ещё напишу
алой тушью по чёрному шёлку...

Солнечные осколки.
 Лёгкость
 после грозы.
 Две золотые чашки
 бесцеремонного чая.

Лунная течь на травах.
 Ветер лизнёт затылок –
 табун муравьёв по телу.
 О скорее, скорее, боги,
 пошлите мне старость!

Тук! Тук! Тук!
 Как быстро они растут,
 как зеленеют гибко
 молодые побеги бамбука,
 сплетаясь во сне.

Поблёкло
 прекрасное чёрное небо,
 и луна свалилась в обморок за Фудзи.
 Японским языком говорю тебе –
 я умерла.

В прозрачном речном рукаве
форель резвится.
Наверное, молодожёны.
Бельё полоскать
не стану.

Горячится, дрожит
кузнечик,
вывихнул все коленки.
Незадачливый
зелёный кавалер.

Пропил всё.
Даже монету луны.
Чем ты оплатишь
моё
коралловое ожерелье?

Волнение отлива.
Пристально следит за мной
маленький краб.
Глаза его полны
солёной водой.

Единственный иероглиф.
Лучшей китайской бумаги
желтеет стопка.
Подумаю о тебе –
тушь засыхает на кисти.

Смех в переулках.
Праздничный
красный-красный снег
летит
на бумажный фонарь.

Решительно
солнце входит в море!
Я ещё прекрасней в мужском наряде!
К весёлым кварталам,
рикша!

Когда возвращаюсь под утро,
он говорит: дорогая,
как замечательно –
я успел весь свиток старинный
прочесть!

Лотос приоткрылся!
Разволновался пруд.
Увлажнились травы.
Кричат влюблённые лягушки.
А как же я?

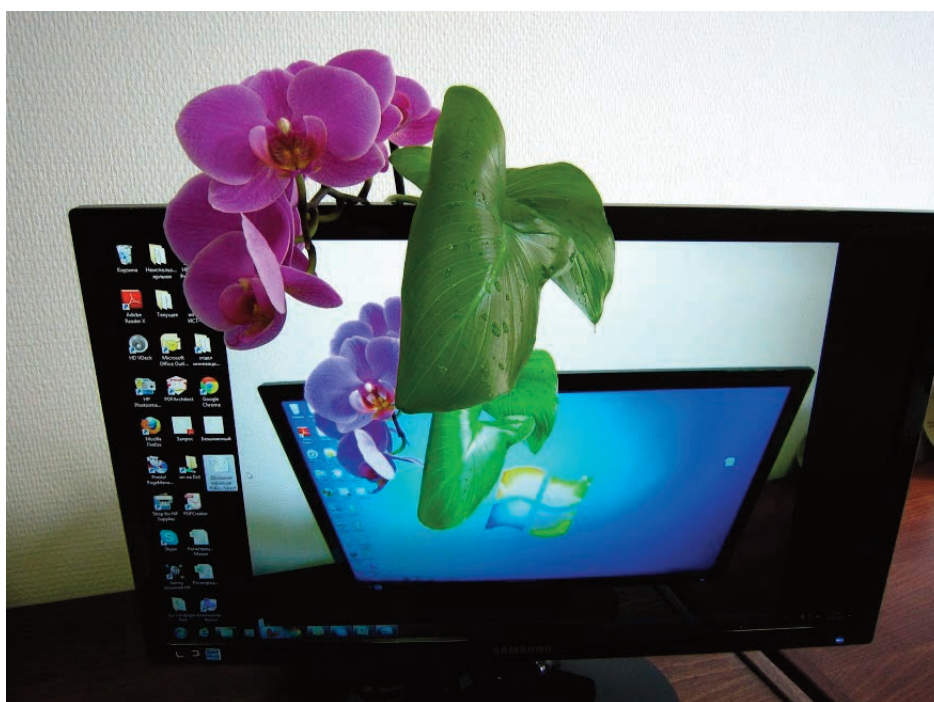
Стая назойливых мотыльков
слетелась
на майский ирис:
праздник мальчиков
в императорских садах!

Ветка цветущей сливы,
так же мила ты
сердцу,
как извержение вулкана,
почти...

За смертью послали –
миллион поцелуев
зажгутся на теле моем,
погаснут и снова зажгутся,
пока ты вернёшься, улитка...

Запах цветущих хаги,
песни пограничных стражей,
слёзы увядшей флейты.
Что такое
любовь?

“Мистификация не такой уж диковинный зверь в истории мировой литературы. Изучено множество её видов. И всякая мистификация завершается объявлением имени автора. Это имя, как вы уже, конечно, давно догадались, легко прочитывается в имени лирической героини. Ёко – часть фамилии Ермакова с отвлекающими внимание точками над Ё. Ирина-ти – Ирина с маскирующим добавлением «ти» – иероглифа «знание», а в дзенской литературе – «тайное знание». Наши с Ёко инициалы – зеркальны, как того неукоснительно требует Мастер священного зеркала и сама богиня Аматаэрасу. Вращаясь в кругах времён, рукопись у изголовья набирает крепость и обновляется с каждым кругом. Книга «Алой тушью по чёрному шёлку» писалась двадцать лет с 1991 по 2011 годы. И посвящена эта книга незабвенной памяти Ёко Иринати.

Сергей Курбатов

метель -
время уходит
в снег

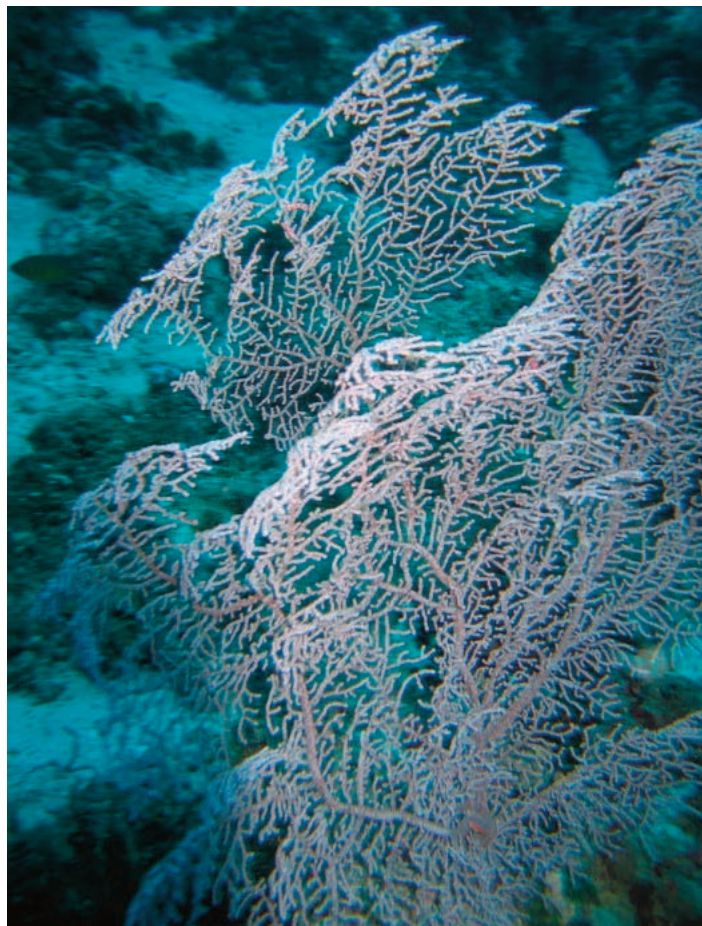
метель -
перехожу на сторону
снега

Радион Хузин

инеисто
все деревья
хвойные

Надежда Воржева

Не только ива
плакучим стало всё-всё!
Зимние дожди

Андрюс Луняцкас

после тяжёлой и продолжительной болезни -
весна

знак "стоп"
два беглых взгляда
на весну

Алиса Бусыгина

утро не с той ноги
вчерашних оттенков сон
вспомнить пытаюсь

Алиса Бусыгина
23 года, г.Киев

Марина Даренская

весенний потоп
доска и два кирпича
меж небесами

Виктор Ветлин

дотянуться бы
подержать на ладони
кораблик у горизонта

Филипп Варган Мелькиседек

море
сверкает на коже
небо

Солнце
из лопнувшей мякоти прошлого...

Удар в колокол -
откуда-то из груди
стая голубей...

Зиновий Вайман

фонари...
чёткие тени
улиточьих глаз

утро улиток
столько серебра
на холодных камнях

волна за волной
оставляя
облака на песке

Philmore Place

тихая заводь
волна за волной намывает
сумерки

Михаил Ежов

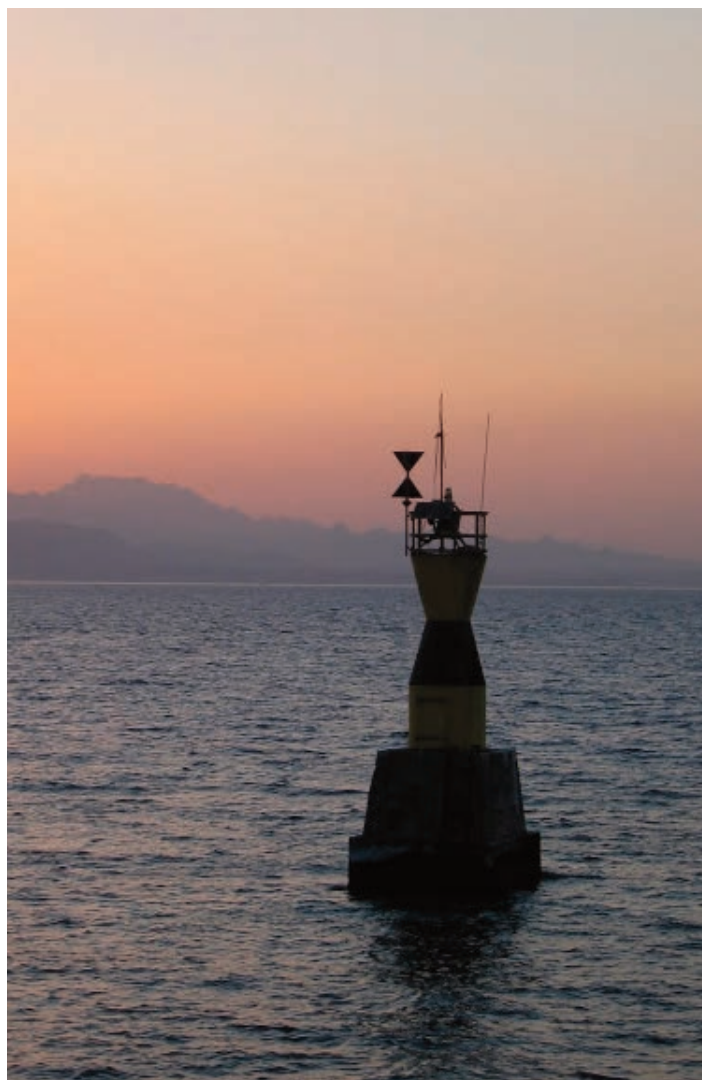
жарко...раскрылся
ложится на мой деревенский
лунный загар

"у" (無)

отзвук в тумане
стала всего лишь песней
песня о ней

Ниёля Керушаускене

осенняя пора...
в выцветшем парусе
все океаны

Константин Авхимович

осень
забирает свое
одинокчество

морозная ночь
выхожу из подъезда
в открытый космос

Фото и кукла Елены Яковлевой

сброшен костюм
на целых семь дней
раскрываются крылья
(Александр Шитковский)

послевкусие -
все оттенки бархата
(Сергей Шпиченко)

Фото Людмилы Акимовой

такие разные
так друг на друга похожи
летние дни
(Сергей Золотухин)

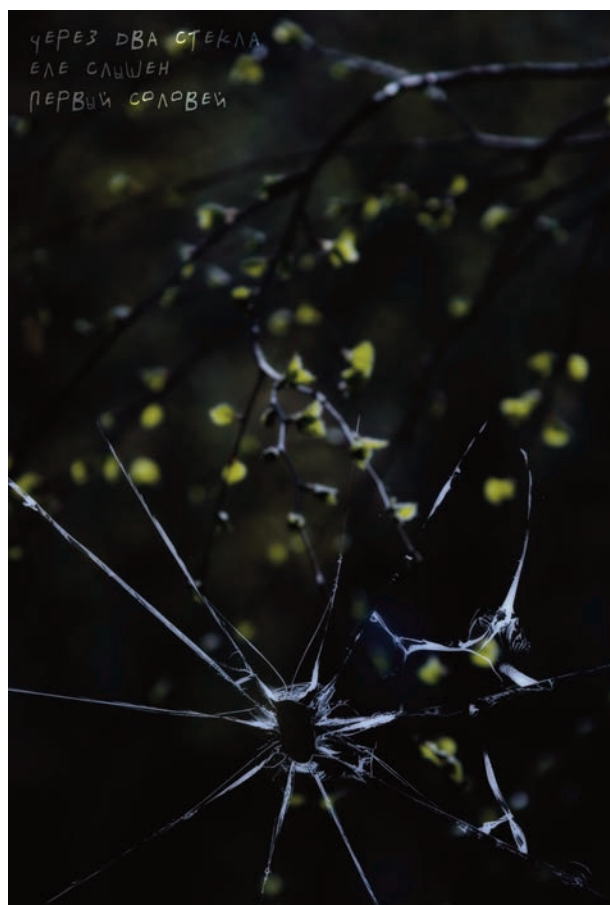

египетская фреска
у ног Эхнатона
миска и собака
(Кира Иванова)

дай краба!
лезет вместе с морем в глаза
беззащитное солнце
(Михаил Ежов)

Андрей Ларионов

ЧЕРЕЗ ДВА СТЕКЛА
ЕЛЕ СЛЫШЕН
ПЕРВЫЙ СОЛОВЕЙ

Мини-рэнга

Десять пальцев календаря

1.

Летние дни.

Горячие капли воска на пальцах

(Леонид Попов)

2.

сентябрь

светлое колечко кожи на безымянном

(Сергей Золотухин)

3.

октябрь

обжигает пальцы ручей

(Леонид Попов)

4.

ноябрь

на двоих одна пара перчаток

(Сергей Золотухин)

5.

декабрь

пальцы на белых клавишах

(Леонид Попов)

6.

январь

ближе к обеду созваниваемся

(Сергей Золотухин)

7.

февраль

крючит пальцы мороз

(Леонид Попов)

8.

март

давай подарю тебе во-о-он ту звезду?

(Сергей Золотухин)

9.

апрель

беглое исполнение Листа

(Леонид Попов)

10.

май

аверс и реверс медали за Будапешт

(Сергей Золотухин)

Рэнга-касэн

Сорняк в рассаде

1.
жаркий полдень
после грозы на Илью
льдинка в воде
(Алексей Фан)

2.
разворачивается оглянуться
поле подсолнухов
(Марина Даренская)

3.
трасса в горы
собираются у подножья
кучевые облака
(Марина Даренская)

4.
в лучах заходящего солнца
лебеди-кликуны
(Алексей Фан)

5.
старинная пара
из костяного фарфора
льется аромат
(Алексей Фан)

6.
по крашеному полу
рисунок занавески
(Марина Даренская)

7.
ущербная луна
уносит куда-то ветер
шорох листьев
(Марина Даренская)

8.
далекий звон к заутрене
иней на траве
(Алексей Фан)

9.
зимний сорт
упаковано отдельно
каждое яблоко
(Алексей Фан)

Схема игры

- 1 - лето, приближение осени
- 2 - лето, пейзаж
- 3 - без сезона (б/с), облака (тучи)
- 4 - осень, птицы
- 5 - б/с, чайная церемония
- 6 - жилье
- 7 - осень, луна
- 8 - осень, роса (иней)
- 9 - б/с, ягоды (плоды)
- 10 - предзимье
- 11 - б/с, глухомань (русская глубинка)
- 12 - первый снег
- 13 - зима, настроение
- 14 - зима, спорт
- 15 - зима, алкоголь
- 16 - б/с, политика (философия)

- 17 - зимний праздник
- 18 - б/с, планы на будущее
- 19 - Новый Год по восточному календарю
- 20 - б/с, потепление
- 21 - автомобиль (техника)
- 22 - новое знакомство
- 23 - флирт (влюбленность)
- 24 - б/с, цветы
- 25 - любовное свидание
- 26 - весна, природа
- 27 - неожиданная потеря близкого человека
- 28 - б/с, туман (облака)
- 29 - весна, воспоминание
- 30 - б/с, работа (служба)
- 31 - весна, цветение
- 32 - б/с, насекомые
- 33 - лето, луга (поле), река (озеро, море)
- 34 - б/с, гроза
- 35 - лето, сезон отпусков
- 36 - б/с, прощание

10.
под сиреновой тучей
ярче пустая аллея
(Алексей Фан)

11.
шум электрички...
выкусывает блох
псина во дворе
(Марина Даренская)

12.
не оставляет и следа
первый снег
(Марина Даренская)

13.
мороз и солнце...
к коляске привязан
розовый шарик
(Алексей Фан)

14.
по скользанке школьник гонит
консервную банку
(Алексей Фан)

15.
вьюжный вечер
пенится и выплёскивается
темное пиво
(Марина Даренская)

16.
а может еще и послужит
барак под снос
(Алексей Фан)

17.
ель за окном
в темноте мигают
огни гирлянды
(Алексей Фан)

18.
а хочешь, поедem...
ещё нереальный мир
(Марина Даренская)

19.
над мерзлым морем
поднимается всё выше
китайский фонарик
(Марина Даренская)

20.
сосед за стеной -
заводчик пекинесов
(Алексей Фан)

21.
советская роскошь
выцвело объявление
продам
(Алексей Фан)

22.
не поддерживаю разговор
а он всё идет следом
(Марина Даренская)

23.
вчерашний день
то и дело
дурацкая улыбка
(Марина Даренская)

24.
да кто же устоит
против корзины алых роз
(Алексей Фан)

25.
рассвет...
забираю в сон - изгиб бедра
в ладони
(Алексей Фан)

26.
тающий узор на стекле
темный мартовский снег
(Марина Даренская)

27.
она специально услала
меня за лекарством
бесполезное солнце
(Марина Даренская)

28.
исчезает в тумане
старый причал
(Алексей Фан)

29.
одноклассники.ру
неужели и я такой же
сорняк в рассаде
(Алексей Фан)

30.
в папке с договорами
детский рисунок
(Марина Даренская)

31.
степные тюльпаны
один только ветер
в пустой голове
(Марина Даренская)

32.
лети,лети на небо...
божья коровка
(Алексей Фан)

33.
у края покоса
то ближе - то дальше
колокольчик
(Алексей Фан)

34.
после короткого шквала
пахнет озоном
(Марина Даренская)

35.
солнечные блики
до горизонта море
сквозь ресницы
(Марина Даренская)

36.
волны...
воспоминаний
(Алексей Фан)

Летняя рэнга сай-фай имачи

На границе сталкерской тропки

1.
метеорный дождь
круче к солнечному ветру
космический парусник
(Роман Ляховецкий)

2.
полны надежд
глаза капитана-киборга
(Валерия Симонова-Чекон)

3.
миллиард лет
этим эмбрионам!
ну... плюс-минус
(Наталия Леви)

Sci-Fi, или science fiction - произведения, в которых речь идёт о неких явлениях и событиях, выходящих за рамки повседневного опыта и современных научных теорий. Правильное название - научная литература, а не научная фантастика, хотя последнее словосочетание вошло в обиход и закрепилось в языке.

4.
с хрустом распускаются
зверолишайники
(Роман Ляховецкий)

5.
на границе
сталкерской тропки
вишня в цвету
(Валерия Симонова-Чекон)

Имачи - 18-стофная ренку, считается более свободной, чем другие ренку. Поскольку она не имеет деления на формальные части дзё-ха-кю, её динамика произвольна. Есть в имачи и другие "поглощения" в строгости правил; например, агэку (последняя строка) может не иметь сезона, а вторая строка в целом может быть опущена.

6.
сквозь вечернюю дымку
протяжный ультразвук
(Наталия Леви)

Валерия Симонова-Чекон:

“Это уже не первое сай-фай ренку, в котором я участвую. И однозначно не последнее! Самое интересное в таких случаях - не просто пытаться придумать и натолкнуть в строфы несуществующих или пока не существующих вещей, а попытаться представить себе - какими будут поэтические вкусы и чувства людей через триста, пятьсот лет? Как изменят человеческий род стремительно развивающиеся технологии? И как бы они восприняли то, что мы пишем сейчас? Пользуясь случаем, передаю привет читателям "Улитки" из далекого будущего!”

10.
не лучшее время
телепатиться о разводе
(Роман Ляховецкий)

11.
одна за другой
мягкие хлопья снежинок
ядерной зимы
(Валерия Симонова-Чекон)

12.
наконец-то оттаиваю
во мраке родного купола
(Наталия Леви)

7.
полевой психолог
латает субличности
раненому
(Роман Ляховецкий)

8.
а дух все шляется
по бабам из Альфы Центавра...
(Валерия Симонова-Чекон)

9.
за завтраком
оба нежно поглаживают
разъемы за ухом
(Наталия Леви)

Наталия Леви:

“Я первый раз принимала участие в сай-фай ренку, и сперва мне казалось, что, в отличие от обычных ренку, тут прибавится задача не только проводить читателя к воротам, за которыми - Невысказанное, а прямо-таки вести Оттуда прямой репортаж. Но потом я поняла, что фантастичность здесь является лишь фоном для вечного танца жизни. А пульсирующие точки над i, соединяющие строфы в одно целое, - это все те же проявления подлинности и искренности природной и человеческой сущности. Особую прелесть обычному процессу плетения ковра ренку придавали сай-фай декорации. Мне так и видятся три пары наших рук на фоне звездного неба и спиралей галактик, перебирающих разноцветные лучи, нити света и тени...”

13.
ладони лодочкой
пульсирует зеленым
биоамулет
(Роман Ляховецкий)

14.
пока еще не поздно
назад в будущее
(Валерия Симонова-Чекон)

15.
один к одному!
но волосы пахнут иначе
у дочкиного клона...
(Наталья Леви)

16.
из 3D принтера
ворох влажной листвы
(Роман Ляховецкий)

17.
за пеленой
кислотного дождя
полная луна
(Валерия Симонова-Чекон)

18.
сквозь портал на новый уровень
залетает вслед паутинка...
(Наталья Леви)

Роман Ляховецкий:

Дисклеймер: При написании этой ренку ни одно животное не пострадало.

Ещё один дисклеймер: Всё написанное мне лично очень нравится.

“Уже не в первый раз я думаю о том, что очень по-разному воспринимаю хайку и ренку. У меня вошло в привычку смотреть на такое творчество сквозь музыкальную призму. Так вот, если хайку для меня - блюз, с его “когда хорошему человеку (плохо) грустно”, то ренку для меня - это джаз. И, как любой удачный джем-сейшен, это совокупность и состава музыкантов, которые собрались вместе, чтобы хорошо провести время, и хорошей темы, которую они поочерёдно интерпретируют... Так и хорошее ренку получается, когда соавторам легко и интересно друг с другом. “На Границе Сталкерской Тропки” для меня - не традиционный джаз в полутёмном углу прокуренного бара, а, скорее, перестрелки синтезаторными проигрышами на залитой неоновыми сполохами сцене. Но темы остаются неизменными даже в такой обработке - Луна, цветы, грусть саби-ваби...”

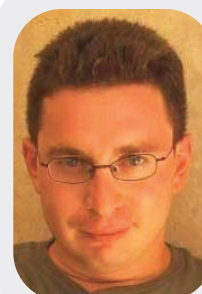
Наталья Леви

Живу в Москве, люблю путешествовать. Являюсь со-редактором журнала сэнрю и кёка “Ёршик”. Не устаю удивляться тому, сколького ещё не знаю про поэзию хайку и радоваться, что этот жанр меня всё ещё завораживает, потому что хайку для меня - это не только ключ ко Всеобщему Контексту, но и тропинка, соединяющая дорогих мне людей.

Валерия Симонова-Чекон

Начинала с хайку, теперь большей частью пишу ренку. Считаю этот жанр наилучшей возможностью познать комитесь поближе.

Роман Ляховецкий

Живу в Маале Адумим (около Иерусалима), заканчиваю докторскую по клеточной биологии. Пишу хайку около двух лет.

